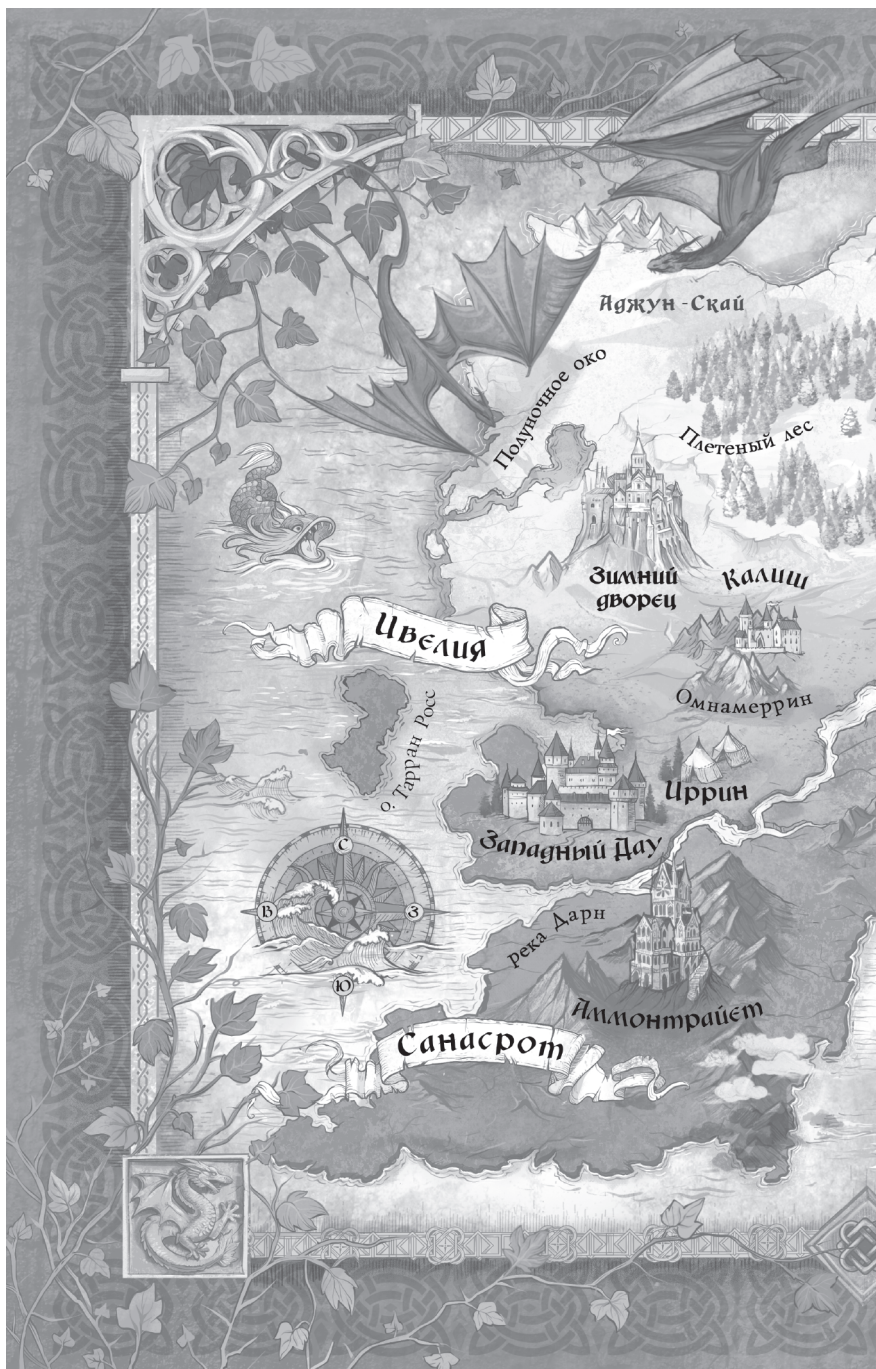


*Посвящается тем, кто живет в ночных кошмарах,
чтобы остальные могли спать спокойно*





Яджун - Скай

Полуночное око

Плетеный лес

Зимний дворец

Калиш

Ивелья

Омнамеррин

с. Тарган Росс

Иррин

Западный Дау

река Дарн

Иммонтрайет

Санасрот





РАЗЛОМ

Земля клана Балкичер

Гилария

Полохте горы

Гилетри

Шништар

Баллару

Лиссия

БАРЬЕР



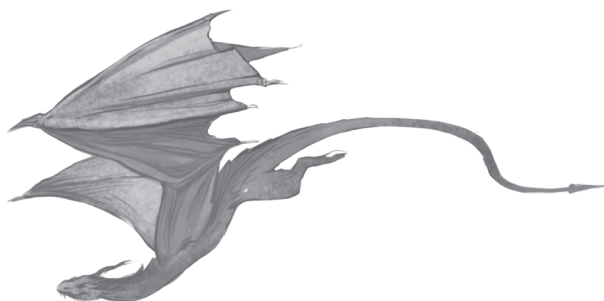


НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ...

ЧУДОВИЩА ЛУЧШЕ ВСЕГО ЧУВСТВУЮТ
СЕБЯ В ТЕМНОТЕ.

ЗАПОМНИ ВСЕ, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ПРОЧЕЛ.

ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ!!



1



ВОСХОЖДЕНИЕ

— Знаешь, на самом деле нет никакой необходимости во всем этом *насилии*.

Каждому жителю Зилварена было известно, что ложь гвардейцу карается смертью. В отличие от других, я узнала об этом на собственном горьком опыте. Ровно год назад я наблюдала, как один из людей королевы, облаченный в кованые золотые доспехи, выпотрошил моего соседа за то, что тот солгал о своем возрасте. Но гораздо худшим был день, когда я стояла и молча смотрела, как моей матери перерезали горло, и струи горячей плебейской крови заливали раскаленный песок.

Сейчас, когда рука привлекательного гвардейца сомкнулась на моей шее, а его латная крага* с красивой гравировкой, словно золотое зеркало, отражала сияние солнц-близнецов, было просто чудом, что я не раскололась, как перезрелый фрукт, и не выдала свои секреты. Защищенные металлом пальцы еще глубже впились в мое горло.

— Имя. Возраст. Округ. Выкладывай. Плебейам вход в Обитель запрещен, — прорычал он.

Как и большинство городов, Зилварен, Великое и Сияющее Знамя Севера, был построен в форме колеса, в центре которого располагалась Обитель. От ее внешних границ расходились спицы — стены, которые на пятьдесят метров вздымались над трущобами и переполненными канализациями, чтобы удерживать людей в их районах.

Гвардеец нетерпеливо встряхнул меня.

* Часть латного доспеха, защищающая запястье и тыльную сторону ладони. (*Здесь и далее, если не сказано иного, примеч. пер.*)

— Отвечай быстро, девочка, или я отправлю тебя прямоком через пятые врата ада.

Я небрежно ощупала его золотую крагу, понимая, что у меня не хватит сил вырваться из его хватки, и ухмыльнулась, закатив глаза к небу, белому, как кости.

— Как я могу сказать тебе... что-нибудь, если я... не могу... блядь... дышать?

В темных глазах гвардейца вспыхнула ярость. Вопреки ожиданиям, он сжал мое горло еще сильнее.

— Ты хоть представляешь, как жарко внизу, в дворцовых камерах, во время Расплаты, воришка? Без воды? Без чистого воздуха? Вонии гниющих трупов достаточно, чтобы вызвать рвоту у верховного палача. Ты умрешь в течение трех часов, помяни мое слово.

Мысль о тюремных камерах дворца отрезвляла. Однажды меня уже поймали на воровстве, и я провела там в общей сложности восемь минут. Этого было достаточно. Оказаться запертой под землей в гноящейся язве, которую выдают за тюрьму под дворцом Бессмертной королевы, во время Расплаты, когда солнца, Балея и Мин, подходят ближе всего друг к другу, а полуденный воздух дрожит от жары? Будет совсем не весело. Кроме того, я была крайне необходима *на* земле. Если я не успею вернуться в кузницу до наступления сумерек, сделка, на которую я потратила несколько часов прошлой ночью, сорвется. Отсутствие сделки означало отсутствие воды. Без воды пострадают люди, о которых я забочусь.

Как бы это меня ни раздражало, я подчинилась.

— Лисса Фоссик. Двадцать четыре. *Не замужем*. — Я подмигнула ему, и этот ублюдок сжал руку еще сильнее. Темные волосы и голубые глаза нечасто встречались в Серебряном городе, он *должен* меня запомнить. Возраст, который я назвала, был настоящим, как и мой трогательный романтический статус, но имя — нет. Мое настоящее имя? Я ни за что не раскрою его без боя. Этот ублюдок обделался бы, если бы понял, что в его руках оказалась Саэрис* Фейн.

— Округ? — потребовал гвардеец.

* Согласно авторскому «Руководству по произношению», имя героини должно переводиться как *Сэйрис* или *Сейрис*. Но читатели, отдающие предпочтение этому переводу, уже привыкли к варианту *Саэрис*, и мы решили его оставить. (*Примеч. ред.*)

Живые боги. Какой настойчивый. Сейчас он пожалеет, что вообще спросил.

— Третий.

— Тре... — Гвардеец швырнул меня на горячий песок, и раскаленные частицы обожгли горло, когда я случайно вдохнула их. Следующий вдох я сделала через рукав рубашки, но отфильтровать песок удалось лишь частично, пара песчинок все равно проникла сквозь ткань. Гвардеец отшатнулся. — Жители Третьего округа находятся на карантине. Наказание за выход за пределы — это... это...

Наказания за выход из Третьего округа *не было*, никто и никогда этого не делал. Те, кому не повезло прозябать в грязных подворотнях и на вонючих улочках моего округа, обычно умирали, даже не успев *подумать* о побеге.

Гнев гвардейца сменился чем-то напоминающим страх. Именно тогда я заметила небольшой чумной мешочек, висевший у него на поясе, и поняла, что он, как и тысячи других в Зилварене, был Верующим. В панике он поднял ногу и пнул меня сапогом в бок. Дыхание перехватило от боли, когда он занес ногу, чтобы ударить еще раз. Меня били далеко не первый раз. Я могла вытерпеть побои, как и любой другой пойманный мошенник, но сегодня днем я не хотела отвлекаться на фанатичных последователей Мадры. Нужно было попасть кое-куда, и времени оставалось в обрез.

Я быстро повернулась и, сделав выпад, схватила гвардейца чуть ниже колена — это было одно из немногих мест, которое не защищала тяжелая золотая броня. Слезы хлынули быстро и горячо. Правдоподобно. Мое представление было убедительным, но, опять же, я много практиковалась.

— Пожалуйста, брат! Не отправляй меня обратно. Я умру, если ты это сделаешь. Вся моя семья болеет чахоткой. — Я кашлянула для пущего эффекта — сухой кашель, совсем не похожий на влажный, захлебывающийся хрип умирающего от этой болезни человека. Но гвардеец, вероятно, никогда не видел таких больных раньше. Он уставился вниз, на то место, где моя рука сомкнулась вокруг ткани его штанов, и в ужасе разинул рот.

Секундой позже острие его меча проткнуло мою рубашку прямо между грудей. Чуть-чуть надави он на рукоять, и я была бы просто еще одной мертвой воровкой, истекающей кровью на улицах Зилварена. Я подумала, что он так и сделает, но потом поняла, что гвардеец обдумывает ситуацию, по всей видимости решая, что ему предпринять после того, как он меня

убьет. Мертвых оставляли гнить на улицах других округов, но на обсаженных зелеными деревьями дорожках Обители все было иначе. Возможно, зажиточная элита Зилварена не могла избежать песков, разносимых горячими западными ветрами, но они не потерпели бы, чтобы на одной из их улиц разлагалась больная чумная крыса. Если бы гвардеец убил меня, ему пришлось бы сразу же избавиться от тела. И, судя по выражению его лица, заниматься этим рискованным делом он не хотел. Видите ли, если я из Третьего округа, значит, гораздо страшнее любого обычного, заурядного карманника. Я *заразна*.

Гвардеец сорвал с руки латную крагу и кольчужную перчатку — с той самой, которой он почти задушил меня, — и бросил на песок. Отполированный металл издал протяжный гул, ударившись о землю. Он эхом отразился в ушах, и вот так просто все мои планы пошли прахом. Меня поймали за кражей крошечного обломка искореженного железа с рыночного прилавка. Я взвесила шансы и решила, что риск того стоит, потому что маленький кусочек принесет мне кругленькую сумму. Но это? Столько драгоценного металла, брошенного на землю, словно хлам? Перед таким искушением я устоять не могла.

Я двигалась со скоростью, которой гвардеец от меня не ожидал. Гибким, стремительным броском я рванула вперед и схватила крагу, нацелившись на больший из двух кусков металла. Перчатка была потрясающей, искусно сделанной настоящим мастером. Крошечные золотые кольца, соединенные вместе, образовывали кольчугу, которую, как известно, нельзя было пробить ни клинком, ни магией. Но вес латной краги, огромное количество золота, из которого она состояла, — невозможно было представить, что я когда-нибудь снова буду держать в руках так много драгоценного металла.

— Стой! — Гвардеец бросился ко мне, но слишком поздно. Я уже схватила крагу. Я уже натянула ее на руку и защелкнула на запястье. Я уже мчалась к стене Обители так быстро, как только могли нести меня ноги.

— Остановите эту девчонку! — Рев гвардейца разнесся по мощеному двору, его приказ отозвался громким эхом, но никто не подчинился. Толпа, собравшаяся поглазеть на зрелище, разбежалась, словно испуганные дети, как только он схватил меня и я произнесла слово «Третий».

Прежде чем попасть в гвардию королевы Мадры, новобранцы проходили серьезную подготовку. Тех, кого отбирали на изнурительную восемнадцатимесячную программу, топили в воде

до полусмерти и выбивали из них дух с помощью всех систем боевых искусств, описанных в пыльных книгах городских библиотек. К моменту выпуска гвардейцы могли терпеть невообразимую боль и были непобедимы в бою. Они становились идеальными орудиями. В казарме, на тренировочной площадке, я не продержалась бы и четырех секунд против полностью обученного гвардейца. Гордость королевы Мадры требовала, чтобы ее войско было лучшим из лучших. Но гордость Мадры была весьма ненасытной. Ее люди должны были не только быть лучшими. Они должны были *выглядеть* лучше всех, а доспехи гвардейца — вещь не из легких. Да, на тренировочной площадке тот засранец, что поймал меня на краже железа, быстро бы меня одолел. Но мы были не на тренировочной площадке. Мы были в Обители, наступал час Расплаты, а этот ублюдок едва двинулся в своих тяжелых церемониальных доспехах.

Он не мог бежать, обвешанный всем этим металлом.

Даже *трусой*.

И уж точно не мог, черт возьми, *карабкаться*.

Я бросилась к восточной стене, двигая руками и ногами так быстро, как только позволяло мое избитое тело. Взмыв в воздух, я сильно ударилась о крошащийся песчаник, и от столкновения кислород вырвался из моих легких.

— Ой-ой-ой. — Ощущение было такое, будто Элрой достал молот и с размаху ударил меня им прямо в солнечное сплетение. Я боялась даже подумать о синяках, с которыми проснусь утром — если, конечно, проснусь. Времени не было. Я просунула пальцы в узкую щель между тяжелыми блоками песчаника, оскалила зубы и подтянулась. Ноги металлись в поисках опоры. Нашли ее. Но моя правая рука...

Проклятая богами крага.

Такая *ужасная* конструкция.

Золото звякнуло, металл срезонировал песней сирены, когда я ударила им о стену, пытаясь зацепиться за что-нибудь, чтобы подняться. Моих пальцев — созданных для того, чтобы вскрывать замки, открывать окна, ерошить густые волосы Хейдена, — было недостаточно, если я не могла согнуть запястье. А я не могла.

Черт.

Если я хотела жить, то больше ничего не оставалось. Придется бросить крагу. Но это была абсурдная мысль. Крага весила не меньше четырех фунтов. Четыре *фунта* металла. Я не могла просто отказаться от нее. Это был не только кусок кра-

денных доспехов. Это было образование моего брата. Еда на три года вперед. Билеты из Зилварена на юг, туда, где ветры Расплаты, овевающие сухие холмы, на двадцать градусов холоднее, чем здесь, в Серебряном городе. У нас останется достаточно денег, чтобы купить небольшой дом, если мы захотим. Ничего особенного. Просто что-то, защищающее от непогоды. Что-то, что я смогу оставить Хейдену, когда — а не *если* — гвардейцы наконец поймают меня.

Нет, отказ от краги стоил бы мне чего-то гораздо более ценного, чем моя жизнь, он стоил бы мне надежды, а я не была готова от нее отказаться. Сначала я бы сама оторвала себе руку.

Поэтому я продолжила подъем.

— Не смейся меня, девочка! — кричал гвардеец. — Ты упадешь, не доберешься и до середины!

Если гвардеец вернется в казарму без краги, это повлечет за собой последствия. Я понятия не имела, что именно произойдет, но приятно ему точно не будет. Они могут отрубить засранцу руки и закопать его по шею в песок, чтобы он сгорел в пекле Расплаты, но меня это не волновало. Мне нужно было домой.

Боль пронзила кончики пальцев, поднялась вверх по руке, словно по фитилю, и запылала в плече, когда я подтянулась, отталкиваясь ногами, и прыгнула. Я нацелилась на участок стены, который выглядел старым, но прочным. Или настолько прочным, насколько я могла надеяться. За достаточное время ветер сожрет все в этом городе, а он точил зубы о Зилварен уже тысячи лет. Городские постройки и стены из песчаника выглядели прочными, но впечатление было обманчивым. Случалось, один сильный удар мог обрушить целое здание. Не то чтобы я была слишком тяжелой, но это не имело значения. Я рисковала жизнью и конечностями, врезаясь в каменную кладку.

У меня внутри все оборвалось, пока я летела по воздуху... а затем сжалось, когда ударились о стену. Адреналин хлынул в кровь, и одновременно произошли три чуда.

Первое — стена выдержала.

Второе — я ухватила левой рукой за выступ.

Третье — мое плечо *не* вылетело из сустава.

Опора. Ноги. Ноги...

ЧЕРТ!

Сердце подскочило к горлу, когда подошва моего левого ботинка скользнула по стене, заставив все тело покачнуться.

Тишину внизу разорвал женский вздох. Похоже, у меня все-таки были зрители.

Я не стала смотреть вниз.

Потребовалось мгновение, чтобы успокоиться, и несколько сдавленных ругательств, прежде чем я почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы снова вздохнуть.

— Девочка! Ты разобьешься! — крикнул гвардеец.

— Возможно. Но что, если нет? — крикнула я в ответ.

— Тогда ты все равно зря потратишь время! Во всем городе не найдется ни одного скупщика, который был бы настолько глуп, чтобы купить украденную часть доспехов.

— Да ладно. Думаю, я знаю парочку!

Я не знала. Как бы туго ни обстояли дела, сколько бы семей ни голодало и ни умирало, ни один житель Зилварена не осмелился бы торговать чем-то настолько опасным, как крага, которую я надела на руку. Но это не имело значения. Я не собиралась продавать ее.

— Я не буду преследовать тебя. Даю слово. Брось крагу, и разойдемся!

Я фыркнула от смеха. А еще говорят, что у гвардейцев нет чувства юмора. Этот парень был гребаным шутком.

Еще один прыжок. Еще один ошеломляющий взрыв боли. Я рассчитывала траекторию насколько возможно, каждый раз стараясь попасть в наименее поврежденный участок стены. Наконец, оказавшись достаточно высоко над улицами Обители, я позволила себе роскошь на мгновение собраться с мыслями. Если я переодену крагу на другую руку, не уроню ли я ее? И, что еще важнее, смогу ли удержаться на более слабой руке, пока буду делать это? Слишком много переменных, которые нужно было учесть, и слишком мало времени.

— Как, по-твоему, ты спустишься с другой стороны, малышка?

Малышка? Ха! Наглый ублюдок. Его крики стали тише. Я поднялась уже на пятьдесят футов* и была достаточно высоко, чтобы видеть верхний край стены. И достаточно далеко от улицы, чтобы на шее выступили капельки холодного пота, когда я посмотрела вниз.

В словах гвардейца была доля истины. Спуск со стены станет не менее опасным, чем подъем. Но мальчик для битья Бессмертной королевы родился в хорошем доме. Вырос в Обители. Его родители и дверь на ночь не запирали. Этот парень

* Фут равен приблизительно 0,3 м. (Примеч. ред.)

даже не *помышлял* о том, чтобы попытаться взобраться на стены, защищавшие его от неблагодарного, заразного сброда с другой стороны. А я провела полжизни, карабкаясь по ним, проскальзывая из одного округа в другой, находя пути туда, где мне не следовало быть.

Я отлично это умела.

Более того, это было *весело*.

Я преодолела оставшуюся часть подъема менее чем за две минуты. Крага врезалась в крошечную дюну, присыпавшую верхнюю часть стены. Когда я перебралась через выступ, частицы кварца в песке начали дрожать, зависая в воздухе в миллиметре над каменной кладкой, и золото ожило.

Я замерла, застигнутая врасплох необычным зрелищем, дыхание перехватило.

Нет. Не здесь. Не сейчас...

Крага шептала, быстро вибрируя, когда я подтянулась, чтобы усесться на стену. Частицы кварца поднимались все выше, выше, выше.

— *Она видит нас.*

— *Она чувствует нас.*

— *Она видит нас.*

— *Она чувствует нас.*

— *Она...*

Я хлопнула рукой по краге, и украденный кусок доспехов затих. Сверкающие частицы кварца упали обратно в песок.

— Я найду тебя, девочка! Клянусь! Бросай крагу, или наживешь себе врага на всю жизнь!

Наконец-то в голосе гвардейца послышались нотки паники. Тяжесть ситуации дошла до него. Я не собиралась разбиваться насмерть. Не собиралась и случайно ронять доспех, который он с отвращением бросил на землю, как только понял, что прикоснулся к чумной крысе.

Я проскользнула у него между пальцев, и он ничего не мог с этим поделать, кроме как выкрикивать угрозы призраку в небе. Потому что я уже исчезла. Идиот, оставшийся внизу, был не первым врагом, которого я нажила среди людей Мадры, но я больше не думала о нем. Меня гораздо сильнее волновали те невероятные вещи, которые я собиралась выковать с помощью его впечатляющей краги.

Но сначала я собиралась переплавить эту славную вещь.

2



СТЕКЛОДУВ

— **Н**ет. Ни в коем случае. Не здесь. Не в моей печи. Элрой уставился на меня так, словно я была четырехглавым змеем и он не знал, какая из голов поразит его первой. Я расстраивала старика миллион раз миллионом разных способов, но этот осуждающий взгляд был для меня чем-то новым. На его лице отразились в равной степени разочарование и страх, и на мгновение я усомнилась в своем решении принести золото в мастерскую.

Хотя куда еще я могла его отнести? Чердак над таверной «Мираж», где мы с Хейденом спали последние шесть недель, кишел тараканами и вонял хуже, чем барсучья нора. Мы нашли способ проникнуть туда через дыру в треснувшей шиферной крыше. Мы тихо забрались на чердак, чтобы поспать среди сгнивших, давно забытых ящиков из-под вина и изъеденных молью стопок тяжелой сложенной парусины, и до сих пор нас никто не обнаружил. Но мы с братом не были дураками. Рано или поздно владельцы таверны найдут нас и выставят вон, угрожая клинком. Нам не дадут времени собрать вещи. Хотя у нас и *не было* никаких вещей, кроме одежды на плечах. Прятать крагу на чердаке было бы глупо. Мастерская Элроя являлась единственным местом, куда я могла ее отнести. Мне во что бы то ни стало нужно было воспользоваться печью. У меня не было выбора. Если я не переплавлю металл и не сделаю из него что-нибудь другое — *очень* быстро, проклятые боги, — крага станет жерновом на моей шее, из-за нее меня будут пытаться и убьют.

— Час назад мне пришлось сказать Джаррису Уэйду, что тебя здесь нет, и это уже было плохо. Он пришел в ярость. Сказал, что ты нарушила какое-то торговое соглашение между вами. Но потом ты появляешься здесь с *этой штукой*. О чем,

черт возьми, ты думала? — Отчаяние, звучавшее в голосе Элроя, заставило меня пожалеть о том, что я показала ему крагу. — Зачем ты вообще ее взяла? Теперь гадюки Мадры прочешут это место частым гребнем. Когда они найдут тебя, то сдерут кожу с костей на площади в назидание другим. И Хейдену тоже. А я? Я? Даже если они поверят, что я не имею к этому никакого отношения, они отрубят мне руки за то, что я позволил этой штуке оказаться под моей крышей. Как я, по-твоему, буду зарабатывать на жизнь, если у меня не будет рук, глупая, *глупая* девчонка?

Элрой занимался стеклом. Благодаря обилию песка под рукой он мог посвятить жизнь тому, чтобы стать лучшим стеклодувом и стекольщиком во всем Зилварене. Однако лишь жители Обители были достаточно богаты, чтобы позволить себе окна. А в Третьем округе жили люди, нуждавшиеся в других предметах, которые можно было отлить в печи. Когда-то Элрой делал нелегальное оружие для повстанческих банд, сражавшихся за свержение Мадры. Мечи с грубыми краями, выплавленные из обломков железа, но в основном ножи. Их лезвия были короче и требовали меньше стали. Даже если переплавленный металл оказывался плохого качества, его все равно можно было сделать достаточно острым, чтобы отправить человека к создателям. Но шли годы, и жизнь повстанцев становилась все более невыносимой.

Найти свежую пищу было невозможно. На улицах дети выцарапывали друг другу глаза за корку черствого хлеба. Единственным способом выжить в Третьем округе были обмен и торговля... или нашептывание секретов о своих соседях на ухо гвардейцу. Если ты не был мертв или при смерти, значит, ты был голоден, а голодающий мог сказать что угодно, чтобы унять боль в пустом животе. После того как Элрой стал слишком часто оказываться в опасной близости от разоблачения, он заявил, что больше не будет ковать свои похожие на иглы клинки, и запретил мне использовать его печь для этих целей. Мы должны были оставаться стеклодувами, и никем иным.

— Я потрясен. *Потрясен*. Я просто... даже не могу осознать... — Старик в недоумении покачал головой. — Я даже представить не могу, о чем ты думала. Ты хоть понимаешь, какую беду навлекла на наши головы?

Когда я была маленькой, Элрой казался мне настоящим гигантом. Он был легендой даже среди самых опасных преступ-